

ЖАННА СВЕТЛОВА

ВОЛШЕБНЫЙ ХЛЕБ

16+

Жанна Светлова
Волшебный хлеб.
Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36061729

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-5321-1878-2

Аннотация

Все произведения автора объединяет мистическая составляющая, которая легко и естественно вплетена в самые, казалось бы, обыденные ситуации. Эта книга для тех, кого интересуют необычные, подчас необъяснимые явления жизни, для тех, кто верит в чудеса.

Содержание

Подарок к юбилею	4
Исповедь старого приятеля	18
Случайный разговор	34
Неуправляемый ребенок	37
Одержимый	47
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Подарок к юбилею

В начале декабря шеф нашего управления должен был праздновать свой юбилей. Несмотря на солидность числа прожитых лет, юбиляр возжелал отметить эту дату с особой помпой. Коллектив был, конечно, «за». Как водится, мы собрали деньги на покупку подарка и закономерно считали, что на этом наши хлопоты, связанные с праздником, закончены. Однако мы, а конкретнее я и еще двое товарищей, ошибались. В тройку этих несчастных угодила я – Мария Николаевна и два моих коллеги: Владимир Львович и Александр Афанасьевич. Буквально за пару дней до юбилея, шеф попросил меня зайти к нему в кабинет.

– Мария Николаевна, я хочу попросить Вас о помощи, проговорил он.

– Я вся внимание, Евгений Петрович, – ответила я.

– Маша, – перейдя на дружескую волну, начал Евгений Петрович, или как мы его называли раньше, Жека, – у меня возникли некоторые осложнения с празднованием юбилея.

Я удивленно подняла брови.

– Понимаешь, – продолжал он, – наш главный, – он указал пальцем в потолок, – возжелал меня осчастливить своим присутствием на мероприятии, причем вместе со своей супругой.

– С Люськой что ли? – не удержалась я от возгласа.

– Ну не с Анной же! – ответил шеф. – Зачем ему ходить на банкеты со старой женой? – резонно добавил он.

Здесь следует на минуту отвлечься от нашей беседы с шефом и дать некоторые пояснения читателю. Наш самый главный Босс, он же Валерий Аркадьевич Кумиров, был женат на Анне Германовне Заводской, работавшей так же в нашем учреждении и оставшейся в нем на прежнем месте после бегства неверного супруга к сотруднице нашего управления Людмиле, ловкой молодой даме, сумевшей окрутить Босса буквально в течение месяца. Сразу после бракосочетания Валерий Аркадьевич перевел молодую жену, несмотря на все ее протесты, в другое ведомство, проявив поистине мужскую волю и настойчивость, заявив:

– Двух жен в одной организации, работающих у меня под боком, я просто не потяну!

С тех пор минуло более десяти лет, и мы уже забыли то ошеломляющее впечатление, которое произвела эта рокировка, исполненная нашим уважаемым Боссом. И вдруг теперь Людмила настояла на том, чтобы супруг почтил вниманием ее бывшего начальника непременно в ее присутствии.

– Понимаешь, Машунь, – продолжил Жека, – накрывать стол в нашей столовой в такой ситуации, будет не очень прилично. Я подумал, что можно снять зал в кафе напротив. Но я совершенно не представляю, как это практически осуществить. Машенька, – задушевно пропел Жека, – помоги мне, пожалуйста, устроить все на самом высшем уровне.

– Но у меня срочная работа! Кроме того, встреча с представителями министерства. На носу конференция. Нет, я не могу, – пыталась отбрыкнуться я.

– Я попрошу Владимира Львовича и Александра Афанасьевича помочь тебе и по работе и с организацией юбилея, – заверил меня шеф. – Но ты проследи, чтобы все было как надо, и я буду спокоен.

Я вся кипела внутри. Этого мне только не хватало! Да и не занималась я ничем подобным никогда. Почувствовав мое явное нежелание участвовать в решении этой проблемы, Жека положил свою руку на мою и, погладив ее, взмолился:

– Ну, Машенька, дружок, ну кого я еще могу попросить? Мы ведь столько лет работаем вместе!

– Да хоть Владимира Львовича! – воскликнула я.

– Маш, ну ты что, не знаешь Володьку? Он, конечно, экономит, но все будет таким убогим!

– Ну, пусть Саша, извиняюсь, Александр Афанасьевич, возьмется! Они все-таки мужики! Ну, не могу я этим заниматься, – взмолилась я.

– Эти мужики будут в твоём полном распоряжении, – настаивал шеф.

Сказать, что я была расстроена, выйдя от шефа, значит не сказать ничего! Я была просто убита этим поручением. Но два моих помощника, два профессора под моим чутким руководством организовали потрясающий банкет. Много добрых слов было сказано в адрес шефа, много сделано подар-

ков. Главный Босс был просто в ударе и сыпал комплименты направо и налево, и под конец банкета они с женой (кто бы мог подумать – жена Босса!) преподнесли Евгению Петровичу свой необыкновенный подарок: картину неизвестного художника с унылым пейзажем и каким-то стариком-колдуном, смешивающим содержимое нескольких пробирок. Все присутствующие были несколько озадачены таким сюжетом картины, но Люська (для нас она так и осталась Люськой, несмотря на свое теперь высокое положение) заявила, что изображенный на картине старец готовит напиток счастья и долголетия. И вот именно этого они с мужем и желают юбиляру!

Евгений Петрович поблагодарил дарящих и пообещал повесить картину на самом видном месте в своем доме и всегда любоваться ею. В ответ Босс пообещал навестить именинника и убедиться в исполнении обещанного. Затем шеф поблагодарил организаторов банкета и всех присутствующих, пожелав, как можно чаще встречаться с коллегами в неформальной обстановке. Банкет закончился, и я с облегчением вздохнула, сбросив с плеч неприятные для меня хлопоты.

Прошло около трех месяцев после банкета. Шеф сильно похудел и все время ходил мрачный и чем-то озабоченный. Но я считала, что при его рабочей нагрузке он, видимо, сильно устает, и не придавала его виду особого значения.

Однажды придя домой и быстро приготовив ужин для своих домочадцев, я уселась передохнуть от домашних забот

в кресло с книгой в руках, как тут же раздался звонок телефона. Я с большим неудовольствием подняла трубку. Звонила жена Евгения Петровича, Галя, с которой мы были в дружеских отношениях, нечасто, однако, обременяя друг друга телефонными разговорами.

– Машунь, привет! – сказала Галина. – Я тебя не оторвала от дел?

– Нет, – ответила я. – Минут двадцать я в твоём распоряжении, – сразу ограничила я продолжительность разговора.

– А что будет через двадцать минут? – поинтересовалась шефиня. – Но я не успела ответить, так как она заявила, – ладно, уложусь в отведенное время, ваша светлость!

– Ну, давай! – позволила «моя светлость».

– Скажи мне, только честно, Маша, тебе понравилась картина, которую Босс со «своей» подарили Жене?

– Нет, – честно ответила я.

– А почему? – заинтересовалась Галина.

– А что там, собственно, может понравиться? Я, конечно, не знаток живописи, но мне больше по душе пейзажи, натюрморты.

– Вот именно! – одобрила мой вкус жена шефа. – Зачем «этой» нужно было дарить Жене портрет какого-то колдуна?

– Не знаю! Может у нее вкус такой и ей эта картина очень нравится?

– Черта с два! – заявила моя собеседница. Эту картину она подарила с каким-то недобрым умыслом.

– С чего это ты так решила? – опешила я.

– Ты не поверишь, но эта картина меня удручает. Она несет нам страшную беду, чует мое сердце!

– Да ладно тебе, не нагнетай обстановку! – старалась я успокоить Галю. – Сними ее, раз она тебя так нервирует, и не выдумывай всякую ерунду.

– Я и не выдумываю, но факты упрямая вещь! Женя просто на глазах тает, ходит ужасно подавленный, стонет ночами, или встает и идет в зал, ложится там на диван под картину, и через полчаса мы имеем сердечный приступ. Уже дважды неотложку вызывала.

Позавчера привела я к нам со школы внука, веселенького, здоровенького. Уложила спать на злосчастном диване. Ночью – температура сорок, рвота, все болит! Забрала его к себе в кровать, напоила молоком с медом. Через двадцать минут – температура нормальная, ничего не болит, чувствует себя прекрасно!

– Послушай, – сказала я. – Если ты уверена, что картина несет вам беду, почему не выбросишь ее ко всем чертям, и дело с концом.

– Так в том то и дело, что Женя не разрешает мне ее трогать. Он, видите ли, обещал Боссу повесить ее на самое видное место, на самое лучшее в доме.

– Объясни ему, что самое лучшее место для этого произведения – помойка, и отнеси ее туда.

– Ты знаешь, – сказала Галя, – я до нее дотрагиваться бо-

юсь. Я тут со зла взяла и ткнула ее ножом, а теперь у меня рука сохнет.

– Как сохнет? – ужаснулась я.

– Как плеть! – ответила она.

– Что же делать? – заволновалась я.

– Не знаю! – заплакала Галя. – Поверь мне, эта картина погубит всю нашу семью. Я хотела ее завесить, так Женя орал на меня, что я просто спятила и несу полный бред. Машунь, поговори с Ириной. Она Люськина подруга, может, что знает.

– Мне что, ей рассказать про весь этот кошмар? Не вижу ничего в этом разумного!

– Нет. Рассказывать не надо, но расспроси ее осторожно, может она что-либо знает про эту картину.

Я пообещала, но, обеспокоенная происходящим, попросила Галю никого к картине не допускать и не ложиться под нее.

– Да я стараюсь! – устало ответила она.

Утром, я как бы мимоходом заглянула в ассистентскую и спросила, не идет ли кто в буфет со мной чайку попить. Ирина тут же присоединилась ко мне. Мы набрали только что испеченных пирожков, взяли большой чайник чая и уселись за стол. Разговор долго вертелся вокруг погоды и наших болячек. Мне это уже начало надоедать, и я сообщила, что на выходных ходили всей семьей в Третьяковку, получили огромное удовольствие.

– Кстати, Ирина, – сказала я. – Не помню, что за картину подарил Босс нашему шефу. Ты не знаешь, кто автор и как она называется?

– Картина эта без автора и названия, – засмеялась Ира.

– Как так может быть? – удивилась я.

– Да очень просто! Люська как-то уговорила меня поехать с ней к гадалке. Ну, я и поехала. Мне всегда все интересно. А у Люськи тогда, помнишь, неприятности сыпались мешками. Взятку ей шили, в психушку она ложилась, ну и все такое.

– Что-то припоминаю, – соврала я, хотя подобные дразги обычно проходят мимо моих ушей.

– Ну вот, – продолжила моя собеседница. Приехали мы к этой ведьме. Я, естественно, к ней не пошла, а осталась ждать Люську. Мне было интересно, что эта ведьма Люське напророчит. Ждать пришлось очень долго. Наконец, Люська появилась, вся такая вдохновленная и с этой картиной в руках. Я тогда просто обалдела. «Ты что хочешь тащить этот хлам через весь город?» – спросила я ее на лестнице.

«Это талисман моего счастья! – заявила мне Люська. Через месяц вся моя жизнь изменится», – радостно сообщила она. Я еще усмехнулась про себя и подумала: «как же, держи карман шире!» Но, как ни странно, ведьма ей здорово помогла, превзошла даже Люськины ожидания. Короче, именно, через месяц Люська вышла замуж за нашего Босса.

– Ничего не понимаю, – удивилась я. – Зачем же свой талисман счастья, тем более такой действенный, отдавать ко-

му-то?

– Я и сама теряюсь в догадках, – поддакнула мне Ирина. – Но может быть этот талисман через какое-то время нужно передать под любым предлогом своему врагу, – предположила она.

– Врагу? Но при чем здесь наш Жека?

– Так он и есть Люськин заклятый враг! Знала бы ты, как она тогда его проклинала!

– О чем это ты говоришь? – Моему удивлению не было конца.

– Ой! Я забыла, что ты не в теме! Случилось это все еще до твоего прихода в наше ведомство. Сейчас я тебе поведаю эту душераздирающую историю. Но ни кому ни слова! – она приложила палец к губам.

– Само собой! – заверила я.

– Началось все с того, что Женька был назначен научным руководителем Люськи. Она тогда пыталась писать кандидатскую диссертацию. Сама она ее написать, естественно, не могла, и ей нужен был помощник, который бы сделал это за нее. Такое счастье выпало нашему уважаемому Жеке. Люська затянула его к себе домой, чтобы поближе, так сказать, познакомиться, ну и все обставила надлежащим образом. Он увлекся ей до того, что снял квартиру на Полянке, и они там писали диссертацию вместе!

Ирина засмеялась.

– Однако счастье было очень недолгим. Женькина жена

откуда-то узнала, проследила за своим благоверным и застукала их прямо на месте преступления. Пожаловалась в Обком. Был дикий скандал. Женьку вернули в семью и понизили в должности. Люська в Обкоме клялась, что он ее чуть ли не насильно принудил к сожителству, что постоянно совершал над ней насильственные действия. В результате, Женька устроил ей полный провал с диссертацией. Сама же она, как ты понимаешь, ничего написать не может. Женьке через полгода все простили, опять назначили на старую должность, а она осталась не только с носом, но чуть не угодила за решетку, если бы ни эта колдунья. Причем на взятке ее поймали, я думаю, по Женькиной наводке. Если бы не Босс, женившийся на ней так неожиданно, сидела бы Люська, как миленькая.

Я была просто шокирована всем услышанным.

– Все-таки я не понимаю, с какой целью Люська могла подарить свой талисман Жеке?

– Я думаю, – сказала Ира, – что при получении картины колдунья оговорила ей срок, в течение которого талисман может действовать, а затем от него следовало избавиться, вернее, передать в руки своего врага. Но это лишь мои предположения, – добавила Ирина.

Я задумалась. То, что мне поведала бывшая Люськина подруга, объясняло всю историю с картиной, но не давало ответа, как спасти семью Евгения Петровича от несчастий.

– И как же нам спасти семью шефа от беды? – задала я

вопрос Ирине. – Ведь он очень изменился, выглядит просто стариком.

– Я это давно заметила, – призналась Ира. – Подарок Людмилы меня тогда просто ошаршил.

Здесь следует заметить, что, выйдя замуж за Валерия Аркадьевича, Людмила порвала все отношения с подругой и та в душе, видимо, была задета, обижена даже таким отношением к себе. Именно поэтому, мне кажется, расчетливая и хитрая Ирина внезапно разоткровенничалась со мной, несмотря на то, что никаких особых проявлений дружбы между нами никогда не существовало.

Действительно, уход Босса из семьи, женитьба его на Люське было невероятным событием, поразившим всю общественность, как гром среди ясного неба. Об этом судачили на всех углах нашего ведомства. Мне даже казалось, что и сам Босс был как под гипнозом и не отдавал себе отчета в своих действиях. Я была достаточно близко знакома с Валерием Аркадьевичем. Мы много раз работали вместе с ним в различных комиссиях, бывали в совместных командировках. Отношения наши были теплыми и дружественными. Он всегда был очень внимателен, галантен, обаятелен. Этаким светский лев, не делавший, однако, ни одного неверного шага, хоть как-то компрометирующего его. Он неизбежно пользовался большим уважением в коридорах власти, принимал участие в разработке многих программ, осуществляемых аппаратом президента. Человек очень высокого интеллекта,

выдающийся специалист в своей области, прекрасный собеседник и весьма привлекательный мужчина. И вдруг Люська! Авантюристка до мозга костей, женщина с очень сомнительной репутацией, так и не сумевшая написать диссертацию, замеченная в бесчисленных связях с представителями мужского пола, имевшая троих детей и ни одного мужа. Общество было просто в недоумении от их брака, но, как ни странно, высшее руководство сделало вид, что ничего не заметило.

Как можно было сбить с пути истинного такого человека, не поддается пониманию. Но факт остается фактом, бракосочетание состоялось.

Единственной подружкой невесты, всегда ее поддерживающей и встававшей на ее защиту, была Ирина. Однако после свадьбы, она сразу была подвергнута забвению. Ира многое знала о своей подруге, но никогда не распространялась о ней, даже не участвовала в бабских пересудах о достоинствах жены Босса. Она просто уходила, когда начинались такие разговоры. И вдруг, эта неожиданная откровенность! С чего бы это? Видимо, устала подруга, носить в себе тайны Людмилы. Да и обида на предательницу, наверное, сыграла свою роль. И конечно, я думаю, подаренная, таким бессовестным образом картина, плохое самочувствие шефа тоже стали немаловажным фактором ее откровенности.

Поэтому я решила тоже быть до конца откровенной с Ириной и рассказала ей обо всех последовавших за юбилеем со-

бытиях в семье шефа.

– Что же нам придумать, чтобы спасти их? – задала я свой главный вопрос.

– Я что-нибудь придумаю, – заверила меня Ира.

– Но только не долго думай. Времени в обрез! Все может кончиться очень плохо! – подтолкнула я ее к действиям.

Ирина придумала. Она послала к шефу на дом своего приятеля. Тот сообщил Евгению Петровичу, что картина краденная, и хозяин хочет подать в суд на воровку.

– Или возвращайте картину немедленно, или будете вовлечены в громкий скандал!

Евгений Петрович, уже наученный горьким опытом, уже однажды пострадавший от связи с Людмилой, на этот раз был категоричен:

– Забирайте этот хлам немедленно. Если бы ни Босс, я бы эту ушлую дамочку с удовольствием засадил за решетку.

Галина была просто счастлива.

Картину приятель Иры вынес во двор, где мы с ней его поджидали с нетерпением. Он прямо во дворе на помойке поджег картину, облив ее заранее заготовленным бензином. Мы втроем мужественно стояли и ждали, пока бесценное творение догорит до конца. Закончив погребальные мероприятия и вдоволь надышавшись вонючим смрадом, исходившим от шедевра, мы отправились в ближайший ресторан и отпраздновали освобождение далеко не святого семейства от нависшей над ними угрозы.

Вскоре произошло еще одно событие, связанное с картиной, оставшееся незамеченным большей частью общества. Скоропостижно скончалась жена Босса. Поговаривали, что она покончила с собой.

Исповедь старого приятеля

Как всегда, совершенно некстати объявился мой бывший коллега и, можно сказать, приятель Димка Серебренников. Прошло столько лет с момента нашей симпатии и доверительности, что я даже забыла о его существовании.

Когда, подняв трубку телефона, я услышала: «Привет, подруга!», то подумала, что кто-то ошибся номером, хотя какие-то нотки в голосе говорившего человека показались мне смутно знакомыми. На мой вопрос: «Кому вы звоните?», я услышала:

– Ну, ты даешь, подруга. Неужели меня не узнаешь?

– А кто вы? – искренне удивилась я.

– Ты вообще здорова, Светик? Не узнаешь старых друзей.

Но я опять его не узнала, поэтому решила тихо положить трубку. Но мой визави словно почувствовал мое желание и буквально проревел:

– Да Димка я. Вспомни аспирантуру, кафедру.

Ну, конечно! Как я сразу не догадалась. Это мог быть только он: самоуверенный самовлюбленный, самонадеянно насмешливый и наглый. Он и сейчас не мог себе вообразить, что его можно не узнать, всего-то после двадцати лет перерыва в общении. Он обращался ко мне так, словно мы расстались только вчера. Я расхохоталась.

– Да, Димуля, ты просто прелесть. Только ты можешь пре-

подносить такие сюрпризы. Как ты вообще узнал мой номер телефона?

– По интернету, по списку абонентов, – удивился он моей серости.

– Но телефон зарегистрирован на другую фамилию, – уточнила я.

– Это неважно, – отмахнулся старый приятель, – я ввел твою фамилию и получил то, чего добивался.

– Ну, на это ты у нас спец – получать то, чего добивался. Это не просто твое хобби, а можно сказать, жизненное кредо, – усмехнулась я.

На другом конце провода вдруг возникла несоответствующая вышеозначенному кредо тишина. Я даже подумала, что нас разъединили, и хотела положить трубку, но вдруг услышала грустный, наверное впервые за все годы нашего знакомства, голос друга.

– Свет, ты, действительно, уверена, что я всегда получаю в жизни то, что хочу?

– Кто бы, вообще, мог усомниться в этом? – ответила я с иронией.

– Вот именно ты и могла бы! – подчеркнул он.

– Почему я? – мое удивление было совершенно искренним.

– Не прикидывайся, Светик. Именно ты прекрасно знаешь, что далеко не все мои мечты и желания сбываются. А в принципе ничего из того, что я желал, я не получил в жизни.

– Даже так! – сарказм в моем голосе покоробил даже меня.

– А я-то считал, что ты единственный человек в моей жизни, понимавший меня, – с обидой в голосе произнес Дмитрий.

– Да что случилось, Димуля? – я вдруг почувствовала его тоску и одиночество.

– Ничего особенного, просто очень хотел бы с тобой повидаться, поговорить, излить свою душу, – озадачил меня своим ответом приятель.

– А к священнику ты не пробовал обращаться? – съязвила я. – Исповедоваться.

– Как правильно ты ухватила суть, дружище. Исповедоваться! Да, я хочу исповедоваться! Но только тебе. Не побрезгуешь старым самовлюбленным индюком и вором?

– Вором? – удивилась я. – Это что-то новенькое в твоём репертуаре.

– А "самовлюбленным индюк", стало быть, принимается? – уточнил Дмитрий.

– Ну, почти, почти, – усмехнулась я.

– Вот, значит, почему ты меня отвергла?

Я замялась, не желая выяснять прежние отношения.

– А я то все искал причину. Воистину индюк, ничего кроме амбиций. Наконец-то я многое понял. Так ты согласна посидеть со старым ослом где-нибудь в кафе или ресторане?

Честно говоря, мне не хотелось идти ни в кафе, ни в ресторан. Я задумалась и притихла.

– Ну, Светик, я очень хочу с тобой пообщаться, просто увидеть тебя, – в голосе моего приятеля прозвучали просительные нотки, что уже совсем не было похоже на наглое и самоуверенного Димку.

– Хорошо, – нехотя согласилась я. – Где и когда?

– Давай встретимся у гостиницы "Рэдиссон", бывшая "Украина", прокатимся на кораблике, заодно и пообедаем. Во сколько ты сегодня свободна?

– Прямо сегодня? – ужаснулась я.

– А чего откладывать? Мне нужно снять груз с души, я не могу больше носить это в себе, – бодро изложил свою цель Димка.

– Хочешь со своей души этот груз переложить на мою душу? Какой ты эгоист, друг мой!

– Это уж точно, – не стал отпираться друг.

– Ну, тогда, часиков в 16-17, – согласилась я на встречу.

– Отлично!

– Кстати, – добавила я, – мы можем и не узнать друг друга. На всякий случай, возьми в руки какой-нибудь журнальчик.

– Да, ладно тебе, Светка, я тебя и через сто лет узнаю!

– Это что, прогноз нашей будущей встречи? Интервью-чик вполне подходящий, – заметила я.

– Мы затронем этот вопрос во время переговоров, – официальным тоном сообщил мой приятель.

Я рассмеялась.

– Держи в руках журнал "Плейбой"! – ответила я и отклю-

чилась.

– Вот не было печали! – в сердцах воскликнула я и стала обдумывать, во что следует одеться для столь неординарной встречи.

В 16.45 я подъехала к "Украине", то есть "Редиссону". На крылечке уже маячил Димка с букетом роз. Не узнать его было невозможно. Весь его внешний вид кричал о благополучии и довольстве. Он меня тоже сразу узнал, бросился ко мне, обнял за плечи и поцеловал в щеку. Мне на мгновение показалось, что мы с ним расстались не далее, как вчера.

Мы медленно спускались к кораблику, на который Димка уже успел прикупить билеты. Мой приятель не отпускал меня, нежно обняв за плечи. Я уже отвыкла от таких нежностей, и мне было неудобно, тем более что еще пришлось взять в руки тяжелый букет роз. Поэтому я аккуратно высвободилась из объятий и попросила приятеля, чтобы он сам нес цветы. Димка развеселился.

– Ты несколько не изменилась, Светуля, все такая же капризуля! А помнишь, на госах тебе подарили столько цветов, что их невозможно было донести, и ты попросила нас с Володькой донести тебе их до дома. Хорошо, что у Вовки уже была тачка. Ты еще жила в те времена на Филях, на пятом этаже без лифта. Мы тогда просто согнулись под тяжестью этих цветов. Правда, это стоило того, ты накрыла нам королевский ужин. И мы все ревновали тебя друг к другу, и никак не могли понять, кому из нас ты отдаешь предпочтение.

Причем тогда я еще молодой индюк, был уверен, что мне. Ведь мы с тобой делились своими тайнами и мыслями.

Мы вошли на корабль, нас усадили за прекрасный столик у окна-панорамы. Комфортная обстановка вполне могла способствовать откровенной беседе двух старых друзей.

Подали шампанское и фрукты, мы выпили, как подобает, за встречу.

– Ну, рассказывай, Димуля, что такое ты натворил, что, наверное, впервые в жизни решил исповедоваться.

– Думаешь, я не способен на раскаяние? – спросил друг. – Не очень то ты высокого мнения обо мне! – грустно заметил Дмитрий.

Я внимательно посмотрела на него и заметила в его глазах усталость и затаенную боль, седину и опущенные плечи.

«Нет, милая, – сказала я себе, – это не Димка – индюк, а ты глупая гусыня, ничего не замечающая вокруг». Мне захотелось приободрить его, помочь, чем смогу.

Димка же на мгновение ушел в себя, видимо решая, стоит ли исповедоваться перед такой бесчувственной подругой, как я. Но его сомнение длилось лишь мгновение. Он отбросил его прочь и, благодушно взглянув на меня, попросил согласия выпить за мое здоровье. Я согласие дала и уже с сочувствием и нежностью поглядывала на своего друга. Димка говорил мне какие-то нелепые комплименты, читал стихи собственного производства, но помалкивал о своем желании поведать мне свои тайны. За бортом проплывали прекрас-

ные виды столицы, звучала приятная музыка, а главная тема встречи так и не была озвучена.

Моего терпения никогда надолго не хватало, поэтому и сейчас я не выдержала. Заглянув в глаза приятелю, я спросила:

– Так почему же, Димочка, ты назвал себя вором? Это еще из какой оперы?

– Если позволишь, – ответил мой визави, – я изложу все по порядку.

– Я жду этого интригующего момента, – без ложной скромности заявила я.

– Ну, так вот. После твоего отъезда, я не мог оставаться в ВУЗе. Долго скакал в поисках интересной работы, но, в конце концов, устроился в крупную корпорацию (он назвал имя миллиардера-хозяина) с очень хорошей зарплатой, позволившей мне приобрести достойную квартиру, дачу, машину и все прибабасы крутого господина. Ты ведь знаешь, что в принципе, я всегда легко относился к деньгам. Они никогда не были для меня целью или смыслом жизни, только средством комфортного существования. Для меня важно было то, что в корпорации я получил очень приличный статус и интересное дело. С людьми я схожусь легко, знакомых и приятелей у меня пруд пруди. И для дела это хорошо. Но близких друзей нет. В какой-то момент я понял, что меня никто и ничто не волнует. Мне как-то все безразлично. И это открытие меня испугало. На службе меня считают очень порядоч-

ным человеком, спокойным, ровным и доброжелательным. Но я понял, что мне просто все безразлично. Мое сердце никто не трогает, но и я никого не трогаю, не задеваю ничьего сердца. Это открытие я сделал не случайно.

Несколько лет назад у меня появилась подруга. Мы жили с ней в моей квартире гражданским браком, но каждый своей жизнью. Она частенько уезжала в зарубежные командировки. Скажу тебе честно, я в это время отдыхал всей душой. Мне было невероятно хорошо одному. Я понимал, что честнее было бы с ней расстаться, но не знал, как ей сказать, чтобы не обидеть, что не хочу продолжать наши отношения, что устал от них, что она мне просто мешает. Я готов был купить ей небольшую квартирку, чтобы она смогла оставаться в Москве. Но меня мучил тот факт, что я выгоняю человека из дома, лишая ее уже ставшего привычным образа жизни, возможно, разрушаю ее жизнь. В общем, эти мысли меня мучили постоянно, потому что появились они почти в тот же год, как мы с ней сошлись.

Но в нашем сожительстве был и свой плюс. Мне не нужно было для своих потребностей искать других женщин, которые, на мой взгляд, были не хуже и не лучше ее.

И вот, представь себе, два года назад она уехала в свою командировку во Францию. Я свободно вздохнул, расслабился, и молил Бога, чтобы она задержалась там подольше. И Бог услышал. Она задержалась, то есть вообще не вернулась. Я даже не заметил, что прошло полгода, когда она позвонила

мне, чтобы попросить прощения.

Ничего не понимая, я страшно удивился, за что она просит прощения. Она со слезами в голосе сообщила мне, что вышла замуж за француза, очень счастлива, но ее мучает мысль, что я могу не пережить этого, ведь я так любил ее, никогда не обидел ни одним словом и она боится, что я покончу с собой. Она умоляла меня дать ей слово, что я не наделаю никаких глупостей, что мы навсегда останемся с ней друзьями. Стоит ли тебе говорить, как я был ошарашен ее словами. Ведь даже после ее признания я не испытал никакой ревности, сожаления, вообще никаких чувств.

И я сделал вывод, что, видимо, я болен, что моя душа погибла, и я ничего не чувствую. Я не способен любить или ненавидеть. Я бездушный человек. Мне не интересно жить.

Я решил испытать себя, свою душу, ее реакции. Влюбляться, строить семейные отношения мне не хотелось, и я решил уйти в работу, в коллектив. Не знаю, насколько я погрузился в работу, но в коллектив – точно погрузился.

И оказалось, что я надутый индюк, призирающий многих своих коллег, способен и на более яркие чувства, в виде раздражения и почти ненависти. Меня это открытие не огорчило, даже наоборот, порадовало. Значит, я не бесчувственный истукан, а нормальный человек, умеющий держать себя в руках.

На службе особенно меня раздражал один начальник отдела, находящийся в моем подчинении. Это некто Дудкин

Николай Аввакумович.

Представь себе достаточно обеспеченного человека, согласно его заработку, который ходит десять лет в одном и том же костюме и ботинках, не переодевается даже на праздники. Он Плюшкин наших дней. Все, что плохо лежит, он подгребает к себе. Как-то я заметил, как он сунул в свой портфель пачку бумаги и набор ручек, которые ему выдали для работы отдела. Но если раньше, я никогда не обращал внимания на коллег и их привычки, то теперь, присматриваясь к себе, я стал приглядываться и к окружающим меня людям.

Почти ежедневно, в целях контроля, я стал заходить в отдел нашего Плюшкина и наблюдать за ним. Оказалось он никогда не ходит в столовую или буфет, пьет чай в отделе, собирая с тарелок все, что осталось от коллег. Это при том что у него очень приличная зарплата, где-то 120 тысяч в месяц, и семья небольшая: жена и ребенок. Я узнал это случайно из разговора его сотрудниц.

Не знаю почему, но именно этот тип, кстати, весьма трудолюбивый, работающий по 12-14 часов, послушный, безропотно выполняющий все мои распоряжения, стал мне страшно неприятен. Его плебейская сущность почему-то с каждым днем раздражала меня все больше, вызывая у меня почти физическое отвращение. Конечно, об этом никто не знал и не догадывался. Это было скрыто под маской полного безразличия. Но в душе я радовался, что, оказывается, могу призирать и даже ненавидеть. Причем я отлично понимал,

что совершенно не объективен в своих чувствах к нему. Он был очень хорошим специалистом и строгим начальником. Когда сотрудница его отдела сорвала нам своей некомпетентностью важный договор, он просил объявить ей строгий выговор и лишить на год премиальных. Это была вполне обоснованная мера, но во мне его просьба вызвала чувство бешенства, хотя дура-сотрудница мне была совершенно безразлична. Безусловно, мы объявили ей выговор с предупреждением, лишили премии на год, но бедного Дудкина я еле переносил, он мне был отвратителен.

В тот злосчастный день я зашел в отдел Дудкина и застал там распространительницу лотерейный билетов. У нас частенько распространяют их. Женщине удалось уговорить Дудкина взять на отдел 10 билетов. Он отдал ей деньги, она вышла, а его срочно пригласили к телефону в другую комнату. Дудкин выбежал, хлопнув дверью, билеты на столе разлетелись, один упал на пол. Не отдавая себе отчета, я зачем-то поднял этот билет, сунул его в карман брюк и вышел следом за Дудкиным. Мы почти одновременно оказались в другой комнате. Он переговорил с кем-то по телефону и быстро вышел, а я остался поговорить с сотрудниками о предстоящем вечернем собрании, а затем направился в свой кабинет

Проходя мимо одной из комнат, я заметил, как туда почти вбежал Дудкин, даже не закрыв за собой дверь. Я остановился, чтобы понаблюдать за ним. В комнате была женщина, распространявшая лотерейные билеты, к ней и бросил-

ся Николай Аввакумович: «Надежда Владимировна, – сказал он дрожащим от волнения голосом, – вы не додали мне один билет. Вместо десяти, дали девять».

«Не может быть, – возмутилась женщина. – Я их два раза пересчитала».

«Я тоже пересчитал дважды, – сказал Дудкин. – Вот они!» – и он выложил пачку своих билетов перед ней.

«Это какое-то недоразумение, – пересчитав билеты, сказала женщина. – Но Бог с вами, нате вам еще билет, но если у меня будет недостача, мне придется оплатить его из своего кармана. Но пусть это будет на вашей совести». Однако ее заявление нисколько не тронуло Дудкина, он взял свои 10 билетов и вышел из комнаты.

И тут я вспомнил о билете, лежащем в моем кармане. Мне было стыдно и радостно одновременно. Если честно, то радость от гадости, сделанной Дудкину, заставившей того так испугаться за сохранность его кошелька, была значительно сильнее стыда. Но и заставить женщину платить за билет из своего кармана я не мог. Я попросил ее зайти в мой кабинет и купил у нее 10 билетов, заплатив две тысячи рублей, попросив ее истратить излишек на благотворительные цели. Она не хотела принимать эти лишние деньги, но быстро согласилась и ушла вполне довольная.

Но понимаешь, Светик, несмотря на всю неблагоприятность моего поступка, я отложил украденный мною билет в отдельное место, чтобы испытать судьбу на счастье. По простой

людской логике я оказался невероятно счастливым человеком. Я выиграл очень крупную сумму по этому билету, мгновенно превратившись из злого шутника в простого вора. Я перестал спать спокойно, мне стало невыносимо видеть это "ничтожество" как я окрестил Дудкина, у меня появились явные комплексы неполноценности. Я не могу найти выход из этой глупейшей ситуации. Несколько раз я был на грани того, чтобы открыть Дудкину всю правду. В общем, я сам себя загнал в тупик.

– Не сгущай краски, – сказала я другу. – Перестань психовать и думать об этом. Ведь справедливости ради следует заметить, что ты украл у Дудкина всего лишь билетик, стоимостью в сто рублей. Кстати, этот билетик очень символично улетел из пачки, подальше от Дудкина, твоего "любимого" сотрудника. Я считаю, что судьба не случайно подкинула тебе этот билет, так и распорядись им по чести.

– Это как же? – удивился мой кающийся грешник. – Как можно по чести распорядиться ворованными деньгами?

– Ну, как Деточкин, например. Не забыл этого героя нашей юности?

– Нет, не забыл, – без особого энтузиазма подтвердил Димка. – Ты бы с деньгами поступила именно так? – спросил он.

– Нет! Лично я бы вложила их в строительство церкви, а если бы суммы хватило, сама построила бы ее. Мне кажется, это вполне богоугодное решение твоей проблемы.

Димка вскочил со стула и прошелся вокруг стола.

– Светуля! Это именно то, что нужно! Как же мне не пришло это в голову. Видишь, какой я осел! Представляешь, я по случаю приобрел домик в одной захудалой деревушке, в трех часах езды от Москвы. Там уже почти никто не живет. Стоят старые халупы, и десяток бабкок доживают в скудости свою жизнь. Но в десяти километрах, есть еще одно село, там народу побольше, даже молодежь встречается. Церкви рядом вообще нет. Я сегодня же провентилирую такую возможность у местного начальства. Нет! Ну, как же это здорово построить церковь! – без конца восклицал Димка.

Он так загорелся идеей, так воодушевлено стал расписывать мне красоты этого места, что я с радостью взирала на своего товарища и любовались им. Я даже слегка гордилась собой, что вызвала такую бурю в его замороженной душе. Он молодец на моих глазах, увлеченный романтикой достойного свершения. Он совершенно не походил на того человека, которого я почти жалела в начале нашей встречи.

– Если не хватит средств, – кипел он, как котел, – я удвою эту сумму. Возьму кредит в нашем банке. Представляешь, Светуля, я благодаря тебе совершу в своей жизни хоть что-то стоящее.

– Благодаря Дудкину, – поправила я друга. – Купи ему за это килограммовый торт. Нет лучше двухкилограммовый. На его День Рождения! – добавила со смехом я. – Пусть хоть недельку своим собственным тортиком попитается.

Димка вдруг заржал, как сумасшедший.

– Ты чего? – удивилась и испугалась за него я.

– Ты не поверишь, – держась от смеха за живот и захлебываясь, объяснил Димка, – у него день рождения через неделю. Коллектив уже собрал деньги на подарок. Я ему два трехкилограммовых торта куплю!

Восторгу приятеля не было конца, как будто он собрался одарить самого дорогого ему человека.

– Правильно, – одобрила я и это решение друга.

Мы уже сошли с корабля и прогуливались по Кутузовскому проспекту, потом еще заглянули на десерт в ресторан отеля. Наконец, Димка отвез меня домой. Прощаясь, он пообещал:

– Я и тебе торт куплю.

– Нет, – не согласилась я. – Мне лучше фрукты.

– Самые дорогие! – заверил меня приятель.

– Это всенепременно, – не стала я скромничать. – Если еще потребуются совет, как израсходовать чужие деньги, не стесняйтесь, сударь, обращайтесь, всегда к вашим услугам.

Мы расстались. Но буквально через два месяца Димка бесцеремонно вломился ко мне в квартиру с корзиной фруктов. Он не только получил добро и оплатил проектирование объекта, но и начал финансирование самого строительства.

При следующем нашем свидании мой друг сказал:

– Я так рад нашему решению, так доволен всем случившимся. Ты не поверишь, но как только я вложил все деньги

в это дело, я просто переродился, стал совершенно другим человеком. Я навсегда освободился от своей душевной болезни. Мне стало очень интересно жить. Я радуюсь каждому новому дню, каждому дереву, каждому цветочку. Я в каждом человеке вижу искру Божию, я даже Дудкина полюбил. На самом деле, он очень умный и честный человек, но скуповат. Однако назови мне хоть одного человека без изъяна. То-то и оно, таких людей нет! В общем, красавица, на Рождество я приглашу тебя на первую службу в нашу церковь.

Я смотрела на своего друга, радовалась его успеху и думала: «Дай Бог тебе счастья, Димка!».

Случайный разговор

За окном буйствовала осень всеми красками. Небо было безоблачным и ярко светило солнце. Природа манила на прогулку. Решив оставить начатую работу на пару часов, я пошла прогуляться по парку. В голове крутились строки из стихов Пушкина, Бунина об очаровании золотой осени.

Перейдя дорогу, я вышла на стоянку машин, ведущую от супермаркета к парку. Посреди дороги стояла высокая девица с ярким макияжем на лице, а рядом малыш трех-четырёх лет тыкал в машины пальчиком, называя их марки.

– Ауди! – громко выкрикивал он. – А это – тойота.

Я умиленно смотрела на малыша и, не сумев скрыть своего изумления, воскликнула:

– Надо же, какой удивительный мальчик! Такой маленький, а знает все марки машин.

Девица стояла с отсутствующим видом. Малыш же, польщенный вниманием к нему постороннего человека, с интересом рассматривал меня.

– Как тебя зовут? – спросила я его.

– Коко, – ответил он.

Меня удивило имя, но я не показала вида и, вновь обратившись к ребенку, задала новый вопрос:

– Сколько тебе лет?

Воцарилось длительное молчание. Девица рассматривала

афишу, не реагируя на происходящее, а ребенок сосредоточенно соображал, что от него хотят узнать. Чтобы не смущать его более, я спросила:

– Ты ходишь в детский сад?

– Неа, – ответил мальчик, – у меня своя гувелнатка! – и он ткнул пальчиком в девицу.

Та никак не отреагировала на нашу беседу.

– И как же зовут твою гувернантку? – поинтересовалась я.

– Алька! – ответил ребенок.

– Ты, наверное, также хорошо знаешь стихи, как марки машин? – продолжала я беседу.

Мальчик недоуменно пожал плечами.

– Ну, стихи Пушкина, Некрасова, Есенина ты знаешь? Про осень, про березу, – подсказывала я.

Малыш был явно озадачен.

Неожиданно на сцену вышла его наставница. Со всей высоты своего величия назидательным тоном она заявила мне:

– Современные дети должны знать машины, компьютеры.

Ну, и иностранный язык, – милостиво добавила она. – А все эти ваши нудные стишки разных там Пушкиных, «Идиоты» Гоголей сейчас никому не нужны!

– Достоевского, – поправила я современную гувернантку.

– Да по-фигу, – ответила она. – Все они валяются на помойках, потому что нормальные люди включают компьютер и все, что хотят, узнают из него. Так что вы просто устарели со своей модой на стихи.

Она явно была довольна, что так лихо отчитала невежественную тетку.

Мне было забавно и грустно наблюдать за ней. Невольно мелькнула мысль, что эта тоже смогла бы отплясывать перед иконами. Зачем соблюдать какие-то устаревшие правила поведения. Кому они вообще нужны?

– Пошли, Никоша! – повелела Алька, и даже не подав ребенку руки, повернулась и зашагала в сторону супермаркета.

Малыш с интересом посмотрел на меня. Потом улыбнулся совершенно ангельской улыбкой и, махнув ручкой, произнес:

– Гуд бай!

Вокруг полыхала красками осень, а я потухла от горестных мыслей, щемящих сердце.

Неуправляемый ребенок

Степка был сущим наказанием для родителей. Так считали все члены семьи. Этот мальчик не знал слова «нельзя». Оно для него не существовало, так как произносимое в его адрес десятки раз в день, оно не доходило до сознания ребенка.

– Тебя будто заколдовала злая ведьма, – говорила ему мать. – Ты просто вредитель.

Вредитель, действительно, мог покрасить только что оклеенные обои в синие квадраты, так что хоть вой от этой красоты. Мог уйти незаметно из детского сада в тихий час и исчезнуть в зоопарке. Покинуть уроки в школе, не сказав никому ни слова, было для него плевым делом. Убежать из дома в пять лет, чтобы стать парашютистом – запросто. Родители поднимали на ноги весь городок, а «найденыш», ничуть не смущаясь, уточнял свою позицию:

– Это я плохо спрятался.

Его и пороли, и ставили в угол, из которого он исчезал, как приведение, и проводили воспитательные беседы. Но на следующий день он мог уговорить свою маленькую сестренку Таню, похожую на куколку, поиграть в парикмахерскую, и состричь ее прекрасные локоны, превратив прекрасную девочку в бравого солдата.

Мать завывала от его проделок. Отец орал, что лучше бы

он вообще исчез – негодяй и кровопийца. Но подобные скандалы Степке, как говорится, были до фонаря. Он вообще не слушал, что они там орут, и крепко засыпал, совершенно не расстраиваясь.

Поступив в школу, мальчик каждый день что-нибудь вытворял невероятное. И родители практически не покидали школьную территорию. Дома мать с отцом ругались, решая проблему, кому идти в школу и выслушивать нарекания учителей.

При всем этом учился Степка весьма прилично. В таблице преобладали четверки и пятерки. Уроки он готовил за полчаса, и этого ему вполне хватало для усвоения пройденного материала.

Отец старался разговаривать с сыном, как с взрослым.

– Ну, найди ты себе интересное занятие, – советовал он ребенку. – Ходи в спорт-школу или в кружки английского языка, художественной самодеятельности или рисования.

Степка побывал везде. Но через неделю переставал посещать занятия.

– Скучно! – заявлял он родителям. – Ничего интересного!

Отец от таких заявлений сына зверел, мать – редела, а Степка довольный улыбался.

Бабушка уверяла, что он просто маленький садист.

– Посмотрите на него, – обращалась она к родителям, – он ведь весь сияет, когда выводит вас из себя. Давайте сдадим его в детский дом, раз он нас всех так не уважает, – предла-

гала бабуля.

Но испугать Степку детским домом было нереально.

– Вот и хорошо, – соглашался он с бабушкой, – там у меня будет компания и мне будет весело.

– Ну, какой ты пример подаешь сестре? – стыдили его дядя с тетей. – Она маленькая. Не понимает, что хорошо, а что плохо. И все твои ужасные выходки будет повторять. Тебе не стыдно? Ее выгонят из детского сада, из школы. И все будут говорить, что она такой же плохой ребенок, как и ты. Неужели тебе даже собственную сестренку не жалко?

– А чего ее жалеть? – спрашивал Степка. – Она все равно очень глупая. Какая ей разница, что о ней будут говорить?

– Нет, – вмешивалась мать, – вы слышали, как он о единственной маленькой сестричке говорит. И это братик, который должен защищать сестричку, учить ее всему доброму.

– Ну, от кого ее защищать? – удивлялся сын. – Она никому не нужна. Вон, вылупилась на меня, как сычиха, и молчит. Танька! – орал он в следующую секунду. – От кого тебя защищать?

– От собак злых, – говорила сестренка, – или от Пашки.

– Кто такой Пашка? – спрашивал отец.

– Это с ней в детском саду мальчик все время дерется.

Игрушки отнимает, туфельки прячет, – поясняла мать.

– И в прятки нечестно играет, – добавляла Танька.

– Скажи своему Пашке, – заявлял братик, – что я ему пасть порву.

– Боже мой, – вздыхала бабушка. – Ну, ты поумней ничего сказать не можешь, Степа? – спрашивала она внука.

– А зачем поумнее? – интересовался Степка. – Вы же и так понимаете, о чем я говорю. Этот Пашка, – добавлял он, – просто гад, раз он с Танькой связывается.

– Так, – вмешивался отец. – Хватит! Марш уроки учить.

И Степка исчезал мгновенно, забыв эти неинтересные разговоры.

– Да, – вздыхала бабуля, – ребенок совершенно неуправляемый. Что вы с ним делать будете через пару-тройку лет?

– Да ничего не будут делать, – подавал голос дедушка. – Все образуется. Это я вам говорю. Не расстраивайся, доченька, – обращался он к Лене – матери неуправляемого внука, – мы все в детстве такими же были. Я лично не вижу здесь ничего страшного.

– Вы просто видеть ничего не хотите, – ехидно замечал зять – отец этого озорника.

– Главное, чтобы вы все вовремя замечали, – парировал дед.

Такие разборки в семье происходили каждый день, и, в общем-то, все уже привыкли к тому, что в их семье есть трудный, неуправляемый ребенок. Наказание, одним словом.

В тот злосчастный день семья решала, как организовать детям отдых на природе. Переехать на дачу всей семьей или отправить Степку в летний лагерь, Лену с Танечкой в санаторий, бабушку с дедушкой на дачу, а зятю, то есть Дмитрию

– пока потрудиться.

Дети в дебатах не участвовали, потому что Таня была в детском саду, а Степка с соседским мальчиком пошел кататься на доске в парке.

В разгар семейной дискуссии в дверь позвонили. Правильнее сказать, стали настойчиво трезвонить и бить ногами в дверь. Удивленное семейство с недоумением переглянулось. Дмитрий же пошел открывать дверь без слов, уже догадываясь, что неуправляемый сыночек опять что-нибудь отчебучил.

Открыв дверь, он даже не сумел разглядеть, что мимо него проскочило в квартиру, и очень удивился, обнаружив маленькую девочку, кажется из сто восьмой квартиры. Она запыхалась, была вся красная, и слезы текли по ее щекам. Девочка что-то пыталась рассказать про какую-то ворону, напавшую на них со Степой. Семейство снисходительно взирало на гостью, которая, схватив Лену за руку, тянула ее за собой, приговаривая, что надо бежать скорее, а то ворона Степу убьет.

Дедушка встал, взял девчущку за руку и предложил ей сесть. Дав ей выпить воды, он попросил, не торопясь, рассказать подробно, что, собственно, произошло. Девчущка немного успокоилась и поведала жуткую историю.

Оказалось, что, гуляя в парке, ребята – Степа, Андрюша и она Света – нашли вороненка в траве.

– Совершенно маленького, – говорила Света.

Степа сказал, что вороненок, видимо, выпал из гнезда, и его следует взять домой, чтобы он не погиб. Он держал вороненка в руках. Тот орал невероятно. А ребята с интересом наблюдали за его поведением. И вдруг на них напали три вороны. Причем, птицы какие-то ужасные – огромные, страшные и клюются невероятно больно.

Девочка показала свои израненные руки, которыми она отбивалась от птиц. Но самая злющая ворона напала на Степу и проклевала ему голову. Эта ворона все время старалась попасть Степе в глаза. Он закрывался от нее, как мог. Ворона раскроила ему голову, и кровь льется ручьем.

Андрюша подобрал палку и пытался ее отогнать от друга, но безуспешно. А Степа упал и лежит в траве.

– Может, он уже умер, – сказала Света, и слезы полились у нее из глаз ручьем.

Лене от этих слов стало плохо. Дмитрий схватил девочку за руки, приговаривая: «Скорее пошли!». Дедушка Иван Васильевич взял свою трость и тоже стал спускаться вниз. Женщины от ужаса не могли опомниться.

– Что же это происходит? – спрашивала бабушка. – Среди белого дня какие-то озверевшие птицы нападают на детей. Леночка, – обратилась она к дочери, – пойдем, родная. Только возьми с собой бинт и йод.

Лена, пришедшая в себя, взяла медикаменты, подала руку матери, и они побежали догонять мужчин.

Степка лежал в траве. А ворона, громко каркая, все вре-

мя нападала на него и Андриюшу, который махал веткой, стараясь защитить друга. Голова Степы была сильно пробита клювом птицы, и из нее текла кровь.

Дмитрий поднял сына на руки, а Иван Васильевич стал звонить в скорую помощь. Ребенка донесли до квартиры. Он был без сознания. Бабушка стала промывать перекисью рану. Лена рыдала и ничего не могла делать. У нее тряслись руки. Вообще ее просто колотило. Иван Васильевич влил в нее валерианку, чтобы хоть как-то снять стресс от увиденного.

Прибывшая только через сорок минут скорая помощь увезла ребенка в реанимацию. Рана оказалась слишком серьезной. Бабушка осталась в больнице ухаживать за внуком. Началась тяжелая борьба за жизнь мальчика. Члены семьи по очереди дежурили у постели ребенка.

Степа пришел в себя лишь через десять дней. Он все время просил родителей спасти вороненка. Это было невероятно. Дмитрий же горел желанием перестрелять всех ворон в парке, и все члены семьи придерживались этой точки зрения. Причем, однажды вечером, когда уже стемнело, Дмитрий с другом Николаем пришли в парк с ружьем, которое Николай имел как охотник. Им удалось убить десятка два ворон. Правда, об этом мужики решили никому не рассказывать.

Дедушка же, обеспокоенный здоровьем внука, нашел маленького вороненка и сумел унести его в гараж. Он купил клетку и посадил туда птенца. К выписке внука из больни-

цы птенец уже здорово подрос. Иван Васильевич все время разговаривал с птицей, повторяя, что Степа, его внук, хотел помочь птенцу, а не обидеть его, что Степа очень хороший мальчик.

О своем «квартиранте» дедушка никому не рассказывал, поэтому все члены семейства представить себе не могли, что кто-то из них вообще может относиться к этим омерзительным птицам по-доброму.

После выписки из больницы Степка очень изменился. Неуправляемый ребенок стал кротким ягненком. Мама и бабушка не отходили от мальчика, а он все мечтал найти вороненка и подружиться с ним.

Мальчик внезапно проникся любовью к книгам, выбирая книги про птиц. Из них он узнал, что вороны очень умные, хитрые и храбрые птицы. Что они умеют прекрасно строить гнезда, заботятся о своих птенцах, достают им всевозможное пропитание. Но больше всего Степу заинтересовал тот факт, что вороны поддаются дрессировке. Что описано много случаев, когда дрессированные вороны говорили человеческим языком лучше попугаев. Что вороны очень способные и воспроизводят человеческую речь вполне разумно.

Увлечение сына этой пакостью доставляло Дмитрию и женщинам большое разочарование. Один дедушка с удовольствием беседовал с внуком на эту тему и удивлялся серьезным познаниям его в этой области.

Вообще мальчик стал удивительно усидчивым, читающим, наблюдательным. В нем стали проявляться способности к предвидению. Он иногда вдруг говорил маме, уходящей на работу:

– Сегодня тебя похвалит начальник.

Лена целовала сына, смеялась и уходила, а когда возвращалась, то рассказывала, что невероятно, но именно сегодня она получила благодарность от шефа и даже представление на премию.

Однажды Дмитрий должен был ехать в командировку. Билеты на поезд уже лежали в его кармане. Подниматься нужно было в четыре утра. До вокзала добраться можно было лишь рейсовым автобусом, который курсировал в это время. Дмитрий проспал и очень злился, не понимая, почему его будильник отстал на целый час.

Только Иван Васильевич знал причину этого, но пока и сам не понимал, почему Степа перевел будильник на час назад. Он отвез зятя на вокзал, никому ничего не объясняя. Утром же ему все стало ясно. Автобус, на котором должен был ехать Дмитрий, попал в аварию. Погибли пять человек. Трагедия потрясла маленький городок.

За завтраком дедушка незаметно спросил внука:

– Ты знал?

Степа кивнул головой и заплакал. Когда Иван Васильевич увел мальчика в его комнату, Степа, рыдая, сообщил деду, что он знал, что автобус попадет в аварию, но понятия не

имел, что погибнут люди. Мальчик был просто в отчаянии.

Дедушка взял внука за руку и повел его в гараж. Там он отодвинул занавеску, загораживающую в последнее время угол, и показал внуку клетку с вороном. Степа не поверил своим глазам.

– Так ты спас его? – спрашивал он, обнимая деда.

Дед кивал в ответ, радуясь, что отвлек внука от грустных мыслей. И тут птица заговорила:

– Степа – хороший мальчик. Степа – хороший мальчик, – повторяла ворона.

– Дедушка, это ты его научил говорить? – удивлялся Степа.

– Нет, – ответил дедушка. Это он сам. Он, как ты, из неуправляемого птенца превратился в ученую птицу. Главное – захотеть! – сказал Иван Васильевич. – Добиться можно всего.

– А я буду экстрасенсом, – объявил Степа.

– Здорово, – сказал дедуля. – Но для такой работы нужны особые способности.

– Я знаю, – ответил Степа. – Я сейчас изучаю биографии самых знаменитых предсказателей, – удивил он дедушку.

– Я в тебя всегда верил, Степа.

Мальчик с нежностью обнял своего лучшего друга и единомышленника.

– Я добьюсь, – пообещал он.

Одержимый

Петр вернулся в Россию из ближнего зарубежья, бывшего совсем недавно частью единой страны, уже состоявшимся и разбогатевшим человеком. Он не стал предаваться светским развлечениям Северной столицы. Сделав лишь несколько важных для себя и своего будущего дела визитов, он поехал навестить свое родовое поместье, от которого осталась лишь небольшая деревенька Руковишники, да старый родительский дом, свято почитаемый местными жителями, и бережно сохраняемый на его средства няней Марьей Филипповной и ее сыном Федором, названным так в честь отца Петра.

Прибыв на свою малую родину, Петр не был разочарован. Деньги он присылал не напрасно. Старый двухэтажный каменный дом был в полном порядке: ухожен и обновлен. Марюшка – его любимая няня – уже совсем старенькая, но бодрая и светлая с умилением смотрела на своего Петрушу и каждую минуту повторяла:

– Хорош! Ох, как хорош! Жаль матушка и батюшка ваши не дожили до светлого дня.

Стол ломился от закусок, которые подавали чуть ли не ежечасно – так уж хотелось Марюшке и ее семье порадовать хозяина.

Петр таял от их нежности и искренней любви. Потертый и побитый не раз жизнью, но с честью прошедший все испы-

тания, так и не обзаведшийся собственной семьей, он в этом старом доме чувствовал силу и правду любви, которой еще мальчишкой обучался у своего батюшки.

Отец его, Федор Руковишкин был убежден, что чувства любви и ненависти делают нас человеком или зверем.

Тут нам следует познакомиться с основным героем нашего повествования.

Старший Руковишкин, то есть отец Петра, был личностью незаурядной. Почти с рождения обнаружился в нем дар целителя. Он был младшим в семье. Пас коров, носил одежду своих братьев, недоедал и знал нужду. Но, как было сказано, умел еще в детстве каким-то чутьем лечить животных и помогать людям справиться с болезнью.

Стоило у кого-то случиться беде, и сразу же звали мальчика Федю к себе. Он помогал, и его успехов на этом поприще было не счесть. Это давало семье дополнительный, хоть и небольшой доход. Мальчика всегда благодарили за помощь. Кто яичек, кто мучки даст, а кто и денежку в ручку положит.

Но и неприятностей его талант приносил немало. Церковный батюшка, например, узрел в этом даре руку дьявола. Местный доктор считал Федора шарлатаном. Аптекари писали на него доносы, что подросток умеет готовить колдовские настои, которые раздает страждущим людям бесплатно.

Федора не раз арестовывали, но сотни исцеленных людей приходили освобождать и освобождали своего «одержимого». Кличка, данная местным батюшкой, буквально прикле-

илась к парню, несмотря на то, что он был очень открытым и добрым человеком.

По словам древнейшего жителя села деда Луки, Федор был одержим не дьяволом, а любовью ко всему живому. Именно поэтому все живое тянулось к нему. Односельчане чувствовали любовь Федора и, как правило, отвечали ему тем же.

А еще Федор был своенравным, и поэтому у определенных лиц вызывал ненависть. Священники его не любили, поскольку знали, что юноша позволяет себе обсуждать их проповеди. В церкви он частенько подходил к болящим односельчанам и вслух заявлял, что для выздоровления им требуется лишь возлюбить ближнего истинно, а не на словах. Что, изгнав из сердца ненависть, можно навсегда излечить язву желудка, грудную жабу и многие другие болезни.

Подобные высказывания возмущали медиков. Кроме того, простые деревенские жители считали мальчишку, чуть ли не мессией. Они были уверены, что Федор способен управлять стихией: вызывать дождь или прекращать его, успокаивать буран и останавливать грозу. В народе бытовало мнение, что Федор может не только исцелять, но и оживлять людей. Он сам очень удивлялся, когда его провозглашали новым явлением Христа, но при этом ничего не оспаривал.

Федор был убежден, что болезнь не может быть наказанием Бога, ибо Бог есть любовь, он – Отец и не может карать своих детей. Болезнью Бог пытается остановить челове-

ка, как отец, любящий своего чада, от соблазнов и гнусных помышлений. Он убеждал людей в том, что, переходя из одной жизни в другую, душа человека остается прежней. И если человек не расстанется со своими грехами, у него и болезни повторяются. Это и есть наследственные недуги.

– Поэтому, – заявлял Федор, – исцелять тело можно, только очистив душу и сохраняя ее праведность. Если душа искалечена злобой, она перейдет в новое тело, не узнавая новизны, как бы продолжая жить в старом. Окружающие часто такое явление воспринимают как помешательство. К сожалению, – говорил Федор, – это очень распространенное явление. Но все в руках самого человека.

Своими успехами, необычностью методов лечения, Федор прославился на всю страну. К нему съезжались на лечение из самых дальних уездов. И надо сказать, что все, действительно, получали от него помощь.

Но грянула революция. Прошло несколько лет, и Федором заинтересовались новые власти. За ним следили, на него собирали досье. Перед войной Федора забрали. Но органы НКВД поместили необычного доктора в совершенно секретный режимный институт. И это притом что Федор имел только среднее медицинское образование. За его плечами был лишь медицинский техникум. Однако по широте кругозора он превосходил многих профессоров.

Условия жизни на поселении были достаточно приличными. Здесь Федор свои психоаналитические теории излагал на

бумаге, подтверждая сделанные им выводы практическими результатами выхаживания осужденных и лечения тюремных служащих. Его труды даже издали с грифом «совершенно секретно». Тем не менее, Запад проведал о чудо докторе и тоже заинтересованно собирал о нем информацию.

Грянула Великая отечественная война. Федор был отправлен на фронт в секретную часть, где проводились опыты с ранеными. Результаты лечения Федором пациентов потрясли. Он спас сотни жизней, в том числе и несколькими крупным военачальникам. Любые раны он залечивал почти мгновенно.

Однако и во время войны и после на родине о нем не было ни слуху, ни духу. Домой он приезжал лишь один раз, получив отпуск на неделю. На родине односельчане помнили своего «одержимого» и потому к его сыну и дому относились, как к святыне. В деревне не было ни одного человека, которому Федор хоть один раз не оказал бы помощь. Поэтому народ, чем мог, помогал Марьюшке.

Но самое интересное заключалось в том, что все жители села были уверены, что «одержимый» оставил после себя двух сыновей. Петр – старший, и Федор, как две капли воды, похожий на брата, появился на свет после недельного отпуска Федора. Мать Петра умерла при родах и фактически матерью стала для него няня – Марья Филипповна. Она всегда с невероятной любовью и нежностью относилась к Петруше. Когда же после побывки Федора Марья родила мальчика, все

сельчане пытались выяснить, кто его отец. Марья отделялась шуткой: мол, ветром надуло. Но схожесть мальчишек между собой и старшим Федором не оставляла сомнений в их родстве. Да и имя мальчика – Федор – говорило о многом.

Народ понимал, что это дело житейское. Холостой мужчина с ребенком на руках и молодая няня, посвятившая себя им не вызывали неприязни. Более того, односельчане очень надеялись, что божий дар отца перейдет хотя бы к одному из сыновей.

Но нет. Ни тот, ни другой никакими талантами отца вроде не отличались. Да и уехал Петр учиться в столицу рано. Приезжал лишь на отдых – навещал свою нянюшку. И как-то так случилось, что ни один из сыновей никогда не задавал Марьюшке ненужных вопросов. Любили ее, лелеяли. Петр, уехавший на работу в одну из западных окраин страны, присылал и привозил ей деньги. Поэтому дом всегда был исправным. Друг к другу Федор и Петр относились по-братски, нежно любя, защищая и всегда помогая друг другу.

В это лето Петр вернулся в Россию окончательно. Его главной целью было отыскать могилу своего батюшки и пожить в своей семье – с Марьюшкой, Федором, Ольгой (его женой) и племянником Петенькой.

Примерно через пару дней после приезда мужчины решили поехать на озеро, куда летом отец перебирался в просторную избу. Здесь он принимал страждущих, ходил с ребятами за травами, грибами, ягодами. Варил снадобья, рыбачил.

Петр считал, что старые пациенты отца, что еще живы, наверняка знают что-нибудь такое, чего им детям было не известно.

Марьюшка тоже захотела поехать с ними. Она боготворила Федора-старшего. Для нее не было человека дороже и ближе, умнее и красивее. Петр уже давно понял, что Марья всю свою жизнь любила его отца. Но при этом он не хотел даже мысленно выяснять, какие отношения были между ними, почему Федор-младший так похож на него и на отца. Петр и не женился потому, что считал, что такую порядочную, скромную и верную женщину, как его няня, он не встретит никогда. Что вообще таких чистых и светлых людей, как его отец и Марья, просто больше нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.